

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ
ОБ АЛЕКСЕЕ ЛЕСОВСКОМ

СЕДЬМОЕ
СЕРДЦЕ

ВАЛЕРИЯ
БУРНЕВСКАЯ

Детективные истории об Алексее Лесовском

Валерия Бурневская

Седьмое сердце

«Автор»

2026

Бурневская В.

Седьмое сердце / В. Бурневская — «Автор»,
2026 — (Детективные истории об Алексее Лесовском)

Если срочно кому-то понадобилось новое сердце — это может стать началом преступления. Когда к детективам Алексею Лесовскому и Андрею Дубинину обращается жена пропавшего инженера Ильи Зорина - они берутся за дело.

Расследование показало, что перед ними стоит задача не просто найти пропавших, но и самим остаться в живых. Алексей проникает в частную клинику, под видом пациента. Чем ближе они подходят к разгадке, тем страшнее становится правда: нужное сердце уже выбрано.

Содержание

Глава 1. Беглец	5
Глава 2. Человек, который не хотел умирать	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валерия Бурневская

Седьмое сердце

Глава 1. Беглец

Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения случайны.

Человек, который бежал через лес, уже понимал: далеко он не уйдёт - его силы были на исходе.

Лес вокруг давно перестал быть лесом — он стал тяжёлым и вязким, как сон, из которого нельзя проснуться.

Сначала человек бежал быстро, испытывая чистый, животный инстинкт - страх и желание подалеже укрыться в глубине чащи. Ветки хлестали по лицу, корни цеплялись за ноги, воздух резал лёгкие холодом, но тело ещё слушалось. Казалось, стоит только вырваться из этой темноты — и всё закончится.

Постепенно темп бега снизился. Страх изменился: сначала он был острым, как нож, потом стал тяжёлым, как гиря. Каждый вдох давался всё труднее, в груди будто налили свинец. Сердце колотилось так громко, что заглушало всё вокруг — даже лесные звуки.

Лес не кончался. Одинаковые, равнодушные деревья стояли плотной стеной. Между ними тянулись узкие тропы, похожие одна на другую. Он уже не понимал, где повернул - он потерял направление. .

Что оставалось делать человеку? Только бежать.

Он на секунду остановился, согнулся, отперевшись руками об колени, чтобы отдышаться.

Вокруг повисла тишина. Та самая тишина, от которой кровь стынет. Он прислушался. Ничего. И это было хуже любого шума. Если бы они ломались через кусты... если бы кричали... если бы кто-то стрелял — это значило бы одно: что можно ещё что-то сделать -- убежать, спрятаться, запутать следы.

Но звенящая тишина означала другое: они знают где он, поэтому и не торопятся.

Он снова побежал, но теперь уже понимал: это не спасение - это просто отсрочка конца.

Ноги начали подкашиваться. Каждая ветка казалась ловушкой, каждый шаг отдавался болью в коленях. Лес становился гуще, темнее, будто сжимался вокруг него удавкой.

Мысль пришла тихо, почти спокойно: далеко он не уйдёт.

Он понял это так ясно, что даже перестал надеяться.

Надежда исчезла — и вместе с ней ушла последняя энергия.

Осталась только усталость.

И странная пустота.

Он больше не думал, как выбраться, не строил планов, не оглядывался каждые пять шагов. Просто двигался вперёд, как раненое животное, которое знает: охотник уже близко.

Иногда ему казалось, что между деревьями мелькают тени. Иногда — что кто-то идёт следом.

Но он даже не оборачивался.

Смысл?

Лес пах сырой листвой и сентябрьским холодом. Где-то капала вода. Ветер шевелил верхушки деревьев, и они тихо шептались между собой — равнодушно, как будто ничего не происходило.

Он споткнулся о корень и упал. Поднялся не сразу. Он перевернулся на спину и уставился в чёрные ветви, переплетённые над головой. Небо между ними было узким, как щель.

Он медленно закрыл глаза. Сердце глухо стучало в груди — тяжело, надсадно, будто жаловалось. Словно чувствовало: ему осталось совсем немного.

Его сердце... Пока его.

Он почти улыбнулся. Было бы весело - если бы не было так страшно.

Ладони беглеца дрожали, дыхание рвалось короткими рывками, грудь жгло огнём. Сердце, его сердце, из-за которого он и оказался в этом лесу - колотилось как бешенное.... Зачем ему беречь своё сердце, если они всё равно хотят его забрать и отдать другому?

Когда-то ему говорили: «Береги себя. Не нервничай. Не перегружайся».

Врачи смотрели на него внимательными, слишком внимательными глазами.

Кардиолог даже однажды пошутил — слишком тихо, чтобы это была шуткой:

— У вас редкое сердце. Очень редкое.

Тогда он не понял, что это значит. Теперь понял: редкое — значит кому-то нужное.

Он сел, обхватив руками грудь. Под пальцами бился ритм — живой, упрямый, свой. Но ведь это моё сердце - не их. И не того человека, которого он никогда не видел, но ради которого подкупали медсестёр, копались в медицинских базах, проверяли анализы тысяч людей и где-то уже готовили операционную, ради которого кто-то решил, что его сердце — всего лишь запчасть.

В груди вдруг поднялась ярость: тёплая, живая, как ядовитая ртуть, отравляющая сердце.

Вот, значит, как!? Они хотят, чтобы он тихо лёг на операционный стол, а его сердце продолжило биться — только уже в чужой груди? А его самого... просто выключат, а потом просто закопают где-нибудь в этом же лесу!

Он вдруг рассмеялся — тихо, хрипло.

— Вот уж нет...

Сердце снова ударило сильно, будто ответило. Беречь сердце, говорите? Да, теперь он понял зачем.

Не ради того богатого человека, которого он никогда не видел, не ради врачей, не ради системы, а ради себя. Потому что пока сердце бьётся в его груди — он живой, он может бежать, может прятаться, может сопротивляться. И никто — никто! — не имеет права решать, кому оно достанется его сердце!

Лес вокруг был тёмный и глухой. Где-то далеко треснула ветка. Он вздрогнул: может, зверь, а может... Его конечно уже ищут. Человек представил машины на просёлочной дороге, людей с фонарями и холодными лицами, для которых он не человек, а совпадение параметров: возраст, группа крови, тканевая совместимость - идеальный донор. Он медленно поднялся на ноги. Ноги подкашивались, дыхание всё ещё было рваным, но страх начал отступать. Вместо него пришло другое чувство — упрямое, холодное решение: если им нужно его сердце — пусть попробуют взять.

Он сжал кулак и снова побежал вглубь леса. Теперь он бежал не от них - он спасал свою жизнь. Он всматривался в темноту между деревьями, но там ничего не было. Вдруг он почувствовал — почти физически — что расстояние между ним и теми, кто идёт за ним, стало сокращаться. Медленно. Неотвратимо.

И в этот момент страх стал другим: не паническим и резким, а вязким и тяжёлым.

Он понял: дело уже не в том, догонят ли его. Дело только во времени: когда именно.

Он сделал шаг, потом ещё один и ещё. И снова побежал — не потому, что верил в спасение, а потому что человек бежит, пока может, пока бьётся его сердце.

Лес был тихим и чужим, пахло сырой листвой и землёй. Где-то вдалеке гудела трасса, и этот звук казался спасением.

Он споткнулся о корень и едва не упал. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди.

Сзади треснула ветка.

Он обернулся.

Луч фонаря скользнул между стволами, как холодный нож.

— Стойте! — крикнул мужской голос. — Вы только хуже делаете!

Человек бросился дальше.

Ветки били по лицу. Куртка зацепилась за сучок и с треском порвалась. Он выругался, вырвался и снова побежал.

Свет фонаря приближался.

— Послушайте! — снова крикнул голос. — Никто не собирается вас убивать!

Человек резко остановился.

Дыхание рвалось из груди короткими рывками.

Он медленно обернулся.

Из темноты вышли двое мужчин, одетых в чёрные куртки. Фонарь одного из них высветил спокойные лица: обычные люди. Почти.

— Зачем вы это сделали? — сказал первый устало. — Мы же всё вам объяснили.

Беглец хрипло рассмеялся.

— Объяснили? — сказал он. — Вы держите нас как скот!

— Это временно.

— Временно? — он посмотрел на них так, словно видел впервые. — Вы знаете, зачем мы здесь. И мы знаем.

Мужчины переглянулись.

— Вам ничего не угрожает, — спокойно сказал второй. — Пока.

Человек почувствовал, как внутри поднимается холодная ярость.

— Пока? — тихо повторил он.

Он вспомнил жену, сына, дом и подумал: «Я их больше не увижу».

— Вы понимаете, что вы делаете? — спросил он.

— Конечно, — сказал первый.

— Нет, — человек покачал головой. — Вы держите семь человек... чтобы один из них умер.

Тишина в лесу стала тяжёлой.

— Вы сами подписали согласие на участие в медицинской программе, — сказал второй.

— На обследование! — крикнул человек. — Я подписал согласие на обследование! А не на...

Он запнулся.

Слово застряло в горле.

— На что? — спокойно спросил второй.

Человек посмотрел на них.

И вдруг сказал очень тихо:

— На то, чтобы у меня вырезали сердце.

Фонарь дрогнул.

— Никто ничего не будет вырезать, — сказал первый. — Если не понадобится.

— Если?! А если понадобится?

Вдалеке вдруг завыл ветер.

Человек понял, что всё кончено.

Он медленно поднял руки.

— Сколько нас осталось? — спросил он.

— Семь, — ответил второй.

— Было восемь.

Мужчины ничего не сказали.

— А тот... первый? — спросил человек.

— Операция прошла успешно.

Человек закрыл глаза.

— Конечно, — прошептал он. — Для кого-то — успешно.

Фонарь погас.

Через минуту трое мужчин вышли из леса к чёрному микроавтобусу.

Тот, кто пытался бежать, сел внутрь. Дверь авто захлопнулась.

Микроавтобус медленно поехал по узкой дороге, ведущей к большому дому за высоким забором.

Дом в лесу выглядел в темноте как тюрьма.

В ту ночь человек понял одну простую вещь: в этом доме живут люди,

которым пока разрешено иметь сердце. Но очень скоро кому-то может понадобиться одно сердце и, возможно, это будет его сердце. А значит на спасение осталось совсем мало времени.

Глава 2. Человек, который не хотел умирать

Дмитрий Матвеевич просыпался медленно, без потягушек и длинных зевков — не потому что любил утро, а потому что боялся резкого движения внутри себя.

Сердце всегда было первым, что он слушал по утрам. Не мысли внутри себя, не тело, а именно сердце: больное, как будто изношенное чужими прожитыми, а не его собственными годами.

Он лежал в кровати, не открывая глаз, и считал удары: раз, пауза, два, снова пауза Слишком длинная пауза.

— Чёрт...

Он резко сел. В висках стукнуло, в груди — спазм, словно внутри кто-то сжал его сердце в кулак. Но через несколько секунд всё отпустило.

Он выдохнул и усмехнулся.

— Не сегодня значит, - подумал Дмитрий Матвеевич. Он умрёт не сегодня.

Поместье всегда просыпалось раньше него: садовники уже стригли живые изгороди, на кухне звенела посуда, в бассейне меняли воду, где-то вдалеке гудел вертолёт — техник проверял его готовность к полёту.

Его поместье должно было быть идеальным внешне, потому что он слишком дорого за него заплатил. Он хорошо платил прислуге и мог предъявлять им высокие требования. Ему хотелось, чтобы и его здоровье также было идеальным. Но об идеальном здоровье — олигарх, инвестор, коллекционер Дмитрий Матвеевич Вейнер — уже не мечтал. Он мог купить себе всё, кроме одного — здоровья.

Врач сказал ему об этом спокойно, почти буднично:

— Без пересадки — максимум год.

Год. Смешное число для человека, который привык измерять жизнь не годами, а возможностями.

— А с пересадкой? — спросил он тогда доктора.

— Десятилетия.

И в этот момент решение было принято.

Дмитрий Матвеевич выдернул датчики, осторожно встал с кровати и подошёл к панорамному окну. Внизу раскинулась огороженная территория поместья — зелёная, ухоженная, безусловно красивая. Но не для него - для них. Он взял планшет со стола, и подключился к камерам.

На экране появился длинный коридор и шесть комнат. Его спасители жили в лучших условиях — питание, медицина, спорт, чистый воздух. Дмитрий Матвеевич знал о них всё: группу крови, генетику, привычки, даже страхи. У них были идеальные тела, идеальные органы. И он вложил в них больше, чем в некоторые свои компании: самая важная в его жизни инвестиция.

— Ты снова смотришь на них?

Звучащий голос был тихим, с лёгкой сталью.

Он не обернулся.

— Конечно.

Его жена — Алла — высокая, ухоженная женщина, в шелковом халате, с холодным лицом и идеально собранными волосами — стояла в дверях спальни.

Когда-то она была красивой, с годами стала ухоженной, выдержанной, как хороший коньяк, который ему категорически запретил врач.

— Ты называешь это нормальным? — спросила она.

— Я называю это разумным.

— Ты держишь людей, как скот.

Он пожал плечами.

— Я даю им больше, чем дала бы жизнь.

— Ты лишаешь их жизни.

Он наконец повернулся.

— Но продлеваю свою. Ты же хочешь, чтобы я прожил как можно дольше?

Разногласия между ними всегда были, а с годами стали привычными.

Она смотрела на него и думала только об одном: «Когда? Когда это закончится? Когда он наконец не проснётся. Когда это сердце — слабое, упрямое, ненадёжное — просто остановится раньше, чем найдётся замена?»

Алла вовсе не ненавидела своего мужа - так было бы проще объяснить её чувства по отношению к нему. Она просто устала от его вечного голода по отношению к еде, к вину, к женщинам — к ощущениям в целом. Устала от его страха смерти, который делал его ещё более жадным к жизни, от его уверенности, что он имеет право жить за счёт других.

— Ты не задумывался, — тихо сказала она, — что однажды никто не захочет тебя спасать?

Дмитрий Матвеевич усмехнулся:

— За деньги — захотят все.

— Не всё покупается и не все.

Он сделал шаг к ней — медленно, осторожно. Замер на секунду: сердце снова напомнило о себе.

— Ошибаешься, — сказал он тихо. — Всё и все. Вопрос только в цене.

Вечерами он пил дорогое вино (курить, по настоянию врачей, он всё же бросил), смеялся, слушал музыку и планировал поездку на море: жизнь должна продолжаться. Она того стоит. Он заказывал новые машины, бронировал острова, приглашал в себе молодых женщин, которые смотрели на него так, будто он бессмертен. И он почти в это поверил. Пока в груди не происходил очередной сбой. Пока сердце не напоминало: ты временный.

Тогда он снова вспоминал о них, о семерых.

И где-то среди них — его будущее, его спасение, его сердце.

Дмитрий Матвеевич стоял у окна, сжимая бинокль, и смотрел вдаль. Где-то там, за пределами его идеально выверенного мира, за линией высоких заборов и камер, среди обычных улиц и случайных людей, текла жизнь — простая, незащищённая и потому по-настоящему живая, в которой не нужно было покупать право на утро или продлевать вечер за счёт чужих возможностей. Та самая настоящая жизнь, где люди могли позволить себе быть слабыми, терять, любить, ошибаться и не думать каждую секунду о том, сколько это стоит и чем придётся заплатить потом. Жизнь без заборов, которые отгораживают не только от угроз, но и от всего человеческого. Без охраны, чьи взгляды всегда насторожены и лишены тепла. Без ценников, прикрепленных ко всему — от бокала вина до человеческой судьбы.

Приход больших денег в твою жизнь напоминает цунами, когда вместе с волной от тебя отхлывивает всё: друзья, деньги, близкое окружение. Так они словно освобождают для себя место. Сначала ты стоишь на берегу и смотришь, как первыми уходят друзья. Они вдруг вспоминают про важные дела, перестают звонить, потом исчезают совсем. Или, наоборот, появляются слишком часто — но уже другими, чужими, с новыми глазами, в которых ты видишь не себя, а свои деньги. Потом уходят близкие. Нет, они уходят не сразу и держатся дольше: пытаются говорить с тобой по-старому, смеяться над прежними шутками, напоминать, кем ты был.

Но ты уже не тот, и они это чувствуют раньше тебя. А потом приходит волна и накрывает тебя.

Дмитрий Матвеевич Вейнер помнил этот момент почти физически. Не свой первый миллион и даже не первый десяток. А именно тот день, когда он понял: назад дороги нет. Когда

деньги перестали быть целью и стали средой, воздухом вокруг. Когда решения, от которых зависели судьбы людей, давались так же легко, как когда-то выбор между ужином дома и в кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.